31

С. М. Дубновъ.

Исторія еврейскаго солдата.

Исповѣдь одного изъ многихъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство «РАЗУМЪ».
1918

Исторія еврейскаго солдата.

Исповѣдь одного изъ многихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я долженъ объяснить происхожденіе этой своеобразной «Исторіи», сплошь исторической по содержанію, но не по формѣ. Я писалъ ее во второй годъ нынѣшней войны, подъ вліяніемъ тогдашнихъ тягостныхъ переживаній еврея въ тылу и въ арміи. Черезъ мои руки проходила огромная масса документовъ, которые тогда не могли проникнуть въ печать и когда-нибудь составятъ «черную книгу»—жуткую лѣтопись еврейства въ эти черные годы. Впечатлѣнія были ужасающія. Казалось, что военное правительство великаго князя Николая Николаевича рѣшило превзойти полицейское правительство царя въ дѣлѣ истребленія евреевъ въ Россіи. Нельзя было подъ уздою цензуры говорить объ этой страшной «военной тайнѣ» двухъ правительствъ, но нельзя было и молчать, и приходилось писать «для немногихъ», какъ во времена до книгопечатанія. Подъ гнетомъ этихъ впечатлѣній составлялся настоящій очеркъ. Слѣдующее обстоятельство повліяло на его форму автобіографической исповѣди еврейскаго солдата.

Среди писемъ еврейскихъ солдатъ, которыя мнѣ приходилось читать, много скорбныхъ думъ вызвало предсмертное письмо-исповѣдь, отрывокъ изъ котораго прорвался черезъ цензурныя загражденія и попалъ на столбцы «Еврейской Недѣли» *). Авторъ письма, вольноопредѣляющійся А. Н. Гольденштейнъ, былъ раненъ при отступленіи русской арміи осенью 1915 г. и умеръ въ кіевскомъ лазаретѣ. Какъ видно изъ его письма и некролога, написаннаго товарищемъ, это

---

*) *«Евр. Нед.»* 1915 г. №№ 27 29.

былъ типичный интеллигентъ черты осѣдлости, который прошелъ черезъ весь адъ еврейской жизни послѣднихъ десятилѣтій, участвовалъ въ трагедіи освободительнаго движенія 1905 года и, наконецъ, нравственно сгорѣлъ въ огнѣ нынѣшней войны. Этотъ человѣкъ могъ бы написать потрясающую «исповѣдь сына вѣка», но успѣлъ излить боль души лишь въ нѣсколькихъ смутныхъ строкахъ предсмертнаго письма:

«Одинъ, въ заброшенной глухой деревушкѣ, не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, я предаюсь невеселымъ думамъ... Порою становится такъ страшно, что я начинаю опасаться за свой разсудокъ. Я стараюсь не думать, забыть все, забыть, чѣмъ жилъ я раньше, а главное—забыть, что на мою долю выпала честь быть участникомъ, какъ называютъ нѣкоторыя періодическія изданія, «освободительной войны». Но забыть послѣднее мнѣ, какъ представителю избраннаго племени, не даютъ. Каждый взглядъ, каждое слово даютъ мнѣ это чувствовать на каждомъ шагу. Мнѣ не привыкать стать, конечно, къ этому. Слишкомъ много переживать приходилось и до этого времени мнѣ, какъ еврею, въ разныхъ странахъ. Меня въ достаточной степени охраняло и чувство личнаго и національнаго достоинства, и вѣра въ правоту того дѣла, которому я отдалъ лучшія свои силы, ради котораго пренебрегъ и карьерой. Но, видно, я не былъ подготовленъ къ тѣмъ жестокимъ ударамъ, какими слишкомъ щедро судьба награждала меня съ перваго дня войны. Мнѣ здѣсь, въ тылу, и на позиціи пришлось столкнуться съ такою силою ненависти, что побороть ее было выше моихъ силъ. Я согнулся подъ тяжестью этой ненависти, и, если останусь живъ, не выпрямиться мнѣ болѣе...»

Рефренъ длинной грустной пѣсни, пѣсни цѣлой жизни, звучитъ въ этихъ словахъ и, въ связи съ нѣкоторыми датами некролога покойнаго будитъ въ памяти современниковъ многое. Возсоздается длинная цѣпь переживаній одного изъ многихъ, переживаній цѣлаго поколѣнія, и какъ-то сама собою составляется въ умѣ недописанная покойнымъ исповѣдь. Я писалъ ее, какъ историческій очеркъ, на основаніи извѣстныхъ фактовъ, еще малоизвѣстныхъ документовъ и наблюденій. Въ біографіи одного лица, родившагося въ эру погромовъ 1881 года и погибшаго въ рядахъ русской арміи въ 1915 г., дается біографія цѣлаго поколѣнія. Это—сжатая на двухъ десяткахъ страницъ, персонифицированная исторія 35-лѣтней войны съ евреями, которая въ научномъ, документированномъ видѣ и во всѣхъ подробностяхъ будетъ дана въ другомъ мѣстѣ.

Больше года назадъ, въ самую скверную пору реакціи, «Еврейская Недѣля» осмѣлилась приступить къ печатанію

этого очерка, подъ скромнымъ заглавіемъ «Исторія одного изъ многихъ» (1916 г., № 11 и 14). Цензура тотчасъ же отрѣзала голову — предисловіе объ историческомъ смыслѣ очерка, пропустила первую главу въ видѣ невиннаго разсказа о прошломъ, изуродовала 2-ю главу, гдѣ ей почуялась опасность «восхваленія революціи», а слѣдующія три главы, относящіяся къ тайнамъ военной инквизиціи, совершенно запретила. Теперь мы имѣемъ возможность дать здѣсь полный текстъ «Исторіи еврейскаго солдата»—кошмарное воспоминаніе о недавнихъ и, будемъ надѣяться, безвозвратно минувшихъ дняхъ стараго режима. *)

С. Дубновъ.

Петроградъ, Май 1917 г.

*) **Post-scriptum.** Увы! Тарнополь и Калущъ въ іюнѣ и іюлѣ 1917 года уже сильно поколебали эту надежду.—**Авторъ.**

I.

Я родился въ 1881 году. Впослѣдствіи я понялъ символическое значеніе этой роковой даты въ моей жизни: вѣдь то былъ годъ, съ котораго началась эра погромовъ, а погромъ въ разныхъ видахъ сопровождалъ меня отъ колыбели до могилы, на краю которой я теперь стою.

Первыя смутныя воспоминанія дѣтства связаны у меня съ разсказами о погромахъ. Мой отецъ, бѣдный школьный учитель въ одномъ изъ городовъ Кіевской губерніи, не разсказывалъ мнѣ этихъ печальныхъ исторій, не желая омрачать мою дѣтскую душу. Идеалистъ - «маскилъ» 60-хъ годовъ, онъ всегда жилъ свѣтлыми чаяніями своей юности, порывами «просвѣщенія» и реформъ, и съ какимъ-то недоумѣніемъ смотрѣлъ на новую, темную полосу еврейской исторіи, надъ которою рѣяли тѣни средневѣковья. Онъ не понималъ, какимъ образомъ «колесница прогресса» могла повернуть вспять, и полагалъ, что это какой-то скверный сонъ, кошмаръ, который вотъ-вотъ пройдетъ. Онъ и умеръ съ этой дѣтской вѣрой въ душѣ, въ которой и страшный переломъ 80-хъ годовъ не могъ произвести ни одной трещины. Увы, эту цѣльность души отецъ не передалъ мнѣ въ наслѣдство... Меня воспитывали больше разсказы моей матери, болѣе непосредственно воспринимавшей жизнь. Эти разсказы впервые направили мой взоръ на темную бездну. Въ раннія дѣтскія годы впечатлительный ребенокъ не разъ слышалъ изъ устъ матери страшную повѣсть, смыслъ которой былъ ему сначала неясенъ, но потомъ постепенно развертывался въ его сознаніи. Что-то говорилось о нападеніи «кацаповъ» на нашъ домъ, о томъ, какъ вся наша семья пряталась въ погребѣ, куда доносился трескъ изъ нашей разрушаемой квартиры, какъ потомъ пьяная ватага ворвалась въ наше убѣжище, била отца и хотѣла сдѣлать еще что-то болѣе страшное съ матерью и моей старшей сестрой. Мнѣ разсказали, какъ я, грудной младенецъ, спасся отъ по

боевъ, спрятанный во время сна подъ опрокинутой бочкой. Это былъ единственный погромъ, пережитый мною во снѣ; всѣ дальнѣйшіе пришлось пережить на яву.

Мои родители иногда ѣздили въ Кіевъ и останавливались въ домѣ дяди, зажиточнаго купца, имѣвшаго «право жительства» въ этомъ запретномъ для еврейскихъ массъ городѣ. Ѣздили то для леченія кого-либо изъ членовъ семьи у кіевскихъ «профессоровъ», то для полученія денежной поддержки отъ богатаго дяди. Однажды повезли и меня туда. Помню день и ночь въ этомъ городѣ: день, когда меня водили по красивымъ улицамъ и показывали невиданные дотолѣ огромные дома и дворцы, а затѣмъ ночь... въ полицейскомъ участкѣ. Мы попали въ полосу «облавъ», которыя періодически производились для изловленія евреевъ, не имѣющихъ права жительства. Поздно ночью, когда мы всѣ спали, полиція ворвалась въ домъ дяди, стащила съ постели мою мать и увела ее вмѣстѣ со мною, восьмилѣтнимъ ребенкомъ, въ участокъ. Тамъ насъ продержали до утра въ какой-то грязной конуркѣ, затѣмъ привели насъ къ сердитому приставу, который кричалъ на мать и грозилъ отправить ее по этапу на родину. При появленіи дяди приставъ однако смягчился и, получивъ установленный выкупъ, отпустилъ насъ съ тѣмъ, чтобы мы въ тотъ же день уѣхали изъ Кіева. Тогда я впервые узналъ, что еврей, желающій жить въ Кіевѣ, есть преступникъ по русскому закону и можетъ быть высланъ по этапу наравнѣ съ ворами и разбойниками. То былъ первый ударъ моему дѣтскому правосознанію, вынесенному изъ изученія Пятикнижія и Пророковъ въ начальной еврейской школѣ-хедерѣ.

Послѣ этого я уже не удивился, когда въ нашей семьѣ произошло слѣдующее событіе. Въ нашъ городокъ обыкновенно пріѣзжала на осенніе праздники Рошъ-гашана и Іомъ-кипуръ семья нашихъ близкихъ родственниковъ изъ сосѣдней деревни, чтобы участвовать въ праздничномъ богослуженіи въ синагогѣ и повидаться съ родными и знакомыми членами общины. Старые деревенскіе жители, наши родственники не были задѣты «временными правилами» 1882 года, которыя запрещали евреямъ «вновь селиться» въ деревняхъ, но не трогали старожиловъ. Ежегодно, послѣ трехнедѣльной побывки въ городѣ и общенія съ синагогой, они возвращались въ деревню и мирно продолжали свои занятія. Но однажды случилось вотъ что: послѣ праздниковъ уѣхали наши гости въ деревню, а черезъ нѣсколько дней они снова

подъѣхали къ воротамъ нашего дома на телѣгахъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ. Оказалось, что мѣстное начальство, по распоряженію новаго губернатора-юдофоба, выслало ихъ изъ деревни, какъ «вновь поселившихся» послѣ трехнедѣльной отлучки (такое толкованіе закона, какъ я потомъ узналъ, было тогда очень распространено). Тогда я своимъ дѣтскимъ умомъ понялъ, что русскій крестьянинъ имѣетъ право пріѣзжать на праздники въ городъ и валяться въ кабакахъ, а еврей за отлучку для молитвы въ синагогу наказывается изгнаніемъ изъ деревни, гдѣ жили его дѣды. Понялъ и запомнилъ.

Но вотъ и мнѣ самому пришлось испытать муки изгнанія. Мой отецъ лишился занятій въ общественной школѣ нашего города и сталъ искать мѣсто домашняго учителя въ богатыхъ семьяхъ. Въ это время ему предложили поселиться въ Москвѣ, гдѣ знакомые пріискали ему хорошо оплачиваемые уроки въ домахъ двухъ-трехъ еврейскихъ купцовъ, желавшихъ дать своимъ дѣтямъ еврейское образованіе. «Право жительства» совѣтовали устроить такъ: мать откроетъ бѣлошвейную мастерскую, отецъ же кое-какъ пристроится при женѣ-ремесленницѣ, въ надеждѣ на милость полиціи, что увеличитъ только домашній бюджетъ. Такъ и устроились, и дѣла пошли хорошо: отецъ учительствовалъ, а мать шила намъ, дѣтямъ, бѣлье въ собственной «мастерской». Но недолго длилось наше счастье. Наступила памятная Пасха 1891 года, время жестокаго «московскаго изгнанія».

Помню весеннее мартовское утро въ одной изъ московскихъ синагогъ, гдѣ я молился вмѣстѣ съ отцомъ. Во время праздничнаго богослуженія по рядамъ молящихся пробѣжалъ тревожный шопотъ. Вижу, собираются люди въ кучки и о чемъ-то другъ друга разспрашиваютъ. Послышались слова: «царскій указъ... изгнать евреевъ изъ Москвы..» Лица блѣднѣли, головы опускались. И какъ-то особенно грустно звучалъ потомъ голосъ кантора въ заключительной молитвѣ «Мусафъ». Разошлись по домамъ, а на другой день всѣ уже прочли роковой указъ въ газетахъ. Выселенію подлежали всѣ евреи-ремесленники и мастера, какъ бы давно они ни поселились въ Москвѣ. Началась полицейская расправа. Первыми жертвами ея были фиктивные ремесленники; дѣйствительнымъ ремесленникамъ дали разные сроки, отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ, для выѣзда изъ Москвы. Наша семья попала,

конечно, въ разрядъ штрафованныхъ, подлежавшихъ немедленному изгнанію.

Помню страшную ночь, послѣдовавшую за опубликованіемъ указа. Добрые люди предупредили насъ, что въ эту ночь готовится полицейскій штурмъ еврейскаго гетто въ Москвѣ—«облава» въ Глѣбовскомъ подворьѣ, гдѣ ютились преимущественно безправные или съ фиктивными правами, въ томъ числѣ и наша семья. Боясь ареста, мой отецъ рѣшилъ, подобно многимъ, провести эту ночь внѣ дома, на улицѣ, такъ какъ насъ, нелегальныхъ, никто бы на ночлегъ не пустилъ. Въ холодную мартовскую ночь мы четверо—отецъ, мать, сестра и я —бродили по улицамъ города. Предательская пасхальная луна мѣшала намъ присѣсть гдѣ-нибудь на бульварѣ, гдѣ насъ могъ бы замѣтить близко стоящій городовой, и мы шли закоулками, какъ воровская компанія. Наконецъ, усталость взяла свое: мы пробрались на какой-то бульваръ и присѣли на скамьѣ. Меня клонило ко сну, я прислонился къ плечу отца и задремалъ. Грубые, рѣзкіе голоса прервали мой сонъ. Я открылъ глаза: передъ нами стоялъ полицейскій обходъ. Полицейскій надзиратель тащилъ моего отца за шиворотъ и кричалъ: «я тебѣ покажу, жидъ, бродяга, какъ скрываться!» Насъ торжественно, подъ конвоемъ городовыхъ, повели въ участокъ, тамъ допросили, установили наше «преступленіе» и отправили въ пересыльную тюрьму.

Въ тюрьмѣ мы очутились среди толпы нашихъ сосѣдей по Глѣбовскому подворью. Они разсказали намъ, что ночью ихъ забрали изъ квартиръ во время облавы и пригнали сюда, для высылки изъ Москвы на родину по этапу. Огромная, грязная тюрьма была полна русскими уголовными преступниками, ожидавшими своей очереди отправки, и намъ пришлось провести двѣ недѣли среди этого скопища воровъ и убійцъ. Страшно вспомнить объ этихъ дняхъ и ночахъ,—не стану ихъ описывать. Сквозь этотъ мракъ свѣтитъ мнѣ воспоминаніе иного рода. Мой отецъ, обыкновенно молча сидѣвшій въ уголкѣ и читавшій свою маленькую карманную Библію, однажды подозвалъ меня и, ткнувъ пальцемъ въ страницу, сказалъ: читай. Я прочелъ: «Истязуемый и пытаемый, онъ не открывалъ рта; какъ агнецъ, ведомый на закланіе, какъ овечка предъ стригущимъ ее, онъ былъ нѣмъ и безгласенъ. Темница и судилище похитили его... Его бросили въ гробъ вмѣстѣ со злодѣями» (Іесаія, гл. 53). Отецъ тихо сказалъ мнѣ: «Ты знаешь, сынъ мой, *они* думаютъ, что это проро-

чество относится къ основателю ихъ религіи; но мы, евреи, знаемъ истинный смыслъ пророчества: здѣсь рѣчь идетъ не о распятомъ Человѣкѣ, но о распятомъ Народѣ. Вотъ и теперь сыны нашего народа только за то, что они—евреи, брошены въ темницу вмѣстѣ со злодѣями»... Слезы катились по худымъ щекамъ отца, застрезая въ его густой бородѣ. Его слова жгли мое сердце; я больше чувствовалъ, чѣмъ понималъ ихъ смыслъ, который я постигъ гораздо позже. Но въ тотъ моментъ въ душу десятилѣтняго мальчика впервые было брошено сѣмя политическаго протеста. Въ головѣ роились бунтующія мысли: почему «нѣмъ и безгласенъ, какъ овечка», почему распинаемый народъ молчитъ и не борется со своими мучителями?..

По этапу насъ везли долго, останавливаясь въ пути на всѣхъ этапныхъ пунктахъ для арестантовъ. Наконецъ, насъ привезли въ нашъ родной городъ въ «чертѣ осѣдлости», сдали мѣстной полиціи, а та вернула намъ свободу—умирать съ голоду «въ мѣстахъ, гдѣ евреямъ жительство дозволяется». Вскорѣ послѣ нашего невольнаго переселенія мой отецъ, измученный долгимъ этапнымъ шествіемъ, тяжко заболѣлъ и черезъ нѣкоторое время отдалъ Богу душу — чистую душу идеалиста, полную «звуковъ небесъ» въ мірѣ насилія и зла. На 11-мъ году жизни я осиротѣлъ.

II.

Начались новыя скитанія. Послѣ долгихъ мытарствъ, наша осиротѣвшая семья нашла пріютъ въ Кишиневѣ, гдѣ мать при помощи родныхъ открыла мелочную лавочку. Тѣ же родные позаботились о моемъ дальнѣйшемъ образованіи. Хотѣли отдать меня въ гимназію, но на пути стояла страшная «процентная норма». Помню одинъ августовскій день. Въ большой классной комнатѣ мѣстной гимназіи сидѣли экзаменаторы, а передъ ними — скамьи, переполненныя еврейскими мальчиками съ блѣдными личиками, съ выраженіемъ недѣтской ранней печали въ глазахъ. Мы всѣ держали экзаменъ для поступленія въ третій классъ, и много было среди насъ такихъ, которые въ прежніе годы успѣшно экзаменовались для поступленія въ предыдущіе классы, но остались за бортомъ изъ-за «нормы». Прекрасно подготовленные, «на пять», мы хорошо выдержали экзаменъ, несмотря на придирчивость экзаменаторовъ; но оказалось, что изъ 30 человѣкъ могутъ быть приняты только

двое, для которыхъ имѣются свободныя «еврейскія вакансіи» въ предѣлахъ нормы. Вакансіи достались двумъ сынкамъ мѣстныхъ богачей, имѣвшихъ сношенія съ директоромъ гимназіи, а я остался среди отвергнутыхъ. И снова чувство острой обиды пронзило мое дѣтское сердце.

Съ тѣхъ поръ началась моя несчастная карьера «экстерна». Я проходилъ гимназическій курсъ дома, самоучкою, а иногда при помощи случайныхъ безплатныхъ учителей изъ «идейнаго» студенчества; ежегодно съ успѣхомъ держалъ экзамены въ слѣдующій старшій классъ и каждый разъ получалъ стереотипный отвѣтъ: «вакансій для евреевъ нѣтъ». Однажды, скопивъ нѣсколько рублей грошевыми уроками, я уѣхалъ въ Одессу. Столица юга давно уже манила меня своими просвѣтительными учрежденіями, своей «европейской» культурой: я надѣялся найти тамъ поддержку со стороны еврейскаго «Общества просвѣщенія», которое издали казалось какимъ-то якоремъ спасенія для бѣдствующихъ пасынковъ просвѣщенія. Но здѣсь я очутился среди громадной арміи «экстерновъ», насущныя потребности которой Общество удовлетворяло лишь настолько, чтобы не дать несчастнымъ умереть съ голоду. До черты голода я и самъ не разъ доходилъ. Не разъ приходилось мнѣ въ кружкахъ бѣдствующихъ товарищей-экстерновъ слышать такія рѣчи, отъ которыхъ сначала становилось жутко. Тутъ созрѣвало сѣмя революціоннаго протеста, въ возмущенныхъ умахъ юношей, которымъ школа отказала въ хлѣбѣ духовномъ, бросивъ ихъ въ темную бездну улицы... Послѣ долгихъ бѣдствій я, наконецъ, доплелся до окончательнаго экзамена гимназіи, выдержалъ его, получилъ аттестатъ зрѣлости и устремился въ университетъ. Но тутъ я опять очутился передъ проволочными загражденіями «еврейской нормы». Съ какими-то сверхъестественными усиліями проскочилъ я черезъ эти загражденія, изранивъ душу, и попалъ въ столичный университетъ.

Тутъ я впервые вздохнулъ полною грудью. Я весь окунулся въ студенческое движеніе конца вѣка, подготовившее революцію. Что сдѣлало меня революціонеромъ? О, я прошелъ хорошую «правительственную» школу съ первыхъ лѣтъ дѣтства. Разсказы матери о погромахъ 1881 года, «облавы» Кіева и «плѣнъ Москвы», слезы отца въ пересыльной тюрьмѣ и ужасы нашего этапнаго шествія, избіеніе младенцевъ гимназическими Иродами и роль парія у дверей университетовъ— нужна ли лучшая подготовка къ революціи? Еще въ тѣ годы,

когда я скитался голодный по улицамъ Одессы, я далъ себѣ клятву: отдать жизнь борьбѣ съ режимомъ, истерзавшимъ мою маленькую семью и терзающимъ мою большую семью— еврейскій народъ. Гнѣвъ моихъ предковъ— древнихъ пророковъ, первыхъ глашатаевъ соціальной справедливости— сочетался въ моей душѣ съ гнѣвомъ пророковъ современности. Національный протестъ слился съ соціальнымъ, и революція стала моей религіей.

Это было въ послѣдній годъ минувшаго вѣка, въ самый разгаръ студенческихъ забастовокъ. Я шелъ во главѣ манифестирующей молодежи, забывая всякую осторожность. Я попался, сидѣлъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ попалъ въ разрядъ штрафованныхъ студентовъ, сданныхъ въ солдаты при министрѣ Боголѣповѣ. Изъ университета пришлось идти въ казарму.

Три года я прослужилъ въ арміи простымъ рядовымъ, ибо мое еврейство лишало меня тѣхъ преимуществъ по службѣ, которыя моимъ русскимъ товарищамъ давалъ образовательный цензъ. Въ арміи я столкнулся съ грубѣйшими проявленіями юдофобіи. Нашъ ротный командиръ, черпавшій всю свою политическую мудрость изъ реакціонныхъ и юдофобскихъ газетъ, вродѣ «Новаго Времени», иначе не называлъ своихъ солдатъ-евреевъ, какъ «жидами». Онъ всячески глумился надъ нами передъ ротой, отпускалъ злыя шутки по нашему адресу, иронически называлъ насъ «іерусалимскими дворянами», въ минуты раздраженія кричалъ: «Іуды, пейсатые, впередъ!» Ему подражали низшее начальство и многіе простые солдаты изъ русскихъ и поляковъ, которые отравляли намъ жизнь на службѣ. Сколько разъ я судорожно сжималъ винтовку въ рукѣ въ безсильномъ гнѣвѣ, напрягая всю силу воли, чтобы не отвѣтить ударомъ на оскорбленіе! Я постоянно терзался безсмысленностью моей службы «отечеству», которое меня не признало своимъ сыномъ, обращается со мною неизмѣримо хуже, чѣмъ съ иностранцемъ, имѣющимъ повсемѣстное право жительства въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ не обязаннымъ служить въ ея арміи. Моя военная каторга кончилась весною 1903 года. Меня отпустили домой. Я сѣлъ въ поѣздъ и помчался въ родной Кишиневъ, а по дорогѣ меня настигла страшная вѣсть о кишиневскомъ погромѣ.

Все, что я прочелъ въ русскихъ газетахъ, задавленныхъ цензурою Плеве, поблѣднѣло передъ картиною, которую я увидѣлъ по прибытіи въ «городъ рѣзни», спустя недѣлю послѣ

катастрофы. Уже проѣзжая съ вокзала по улицамъ на дальнюю окраину, гдѣ жила моя мать, я видѣлъ на каждомъ шагу слѣды разрушенія: разбитыя окна домовъ и магазиновъ, заколоченныя досками, а въ бѣдныхъ домикахъ переулковъ— зіяющія дыры, вмѣсто оконъ и дверей; кое-гдѣ на улицахъ и во дворахъ съ разрушенными воротами валялись еще обломки мебели и обрывки платья, а мѣстами на стѣнахъ домовъ виднѣлись пожелтѣвшія пятна: «пятна крови» — пояснилъ мнѣ мой возница, еврей, тутъ же повѣдавшій мнѣ многое, чего я раньше не зналъ. Съ бьющимся сердцемъ подъѣхалъ я къ домику матери, гдѣ мнѣ сразу бросились въ глаза заткнутыя тряпицами разбитыя окна. Вошелъ— и съ трудомъ узналъ въ бросившейся ко мнѣ на шею блѣдной старушкѣ свою мать, которую оставилъ еще моложавою, бодрою. Я замѣтилъ широкій бинтъ на ея лбу.—Что это?—«Да ничего, уже зажило: хулиганы ударили полѣномъ по головѣ».— А сестра гдѣ?.. Тутъ лицо матери покрылось смертельною блѣдностью, она безсильно опустилась на стулъ и зарыдала.— Что, убита?— «Нѣтъ».— Ранена?— «О, сынъ мой, хуже...» Я понялъ все. Въ глазахъ потемнѣло. Нѣсколько минутъ въ убогой комнатѣ стоялъ судорожный плачъ двухъ потрясенныхъ душъ. Потомъ я узналъ подробности. Моя замужняя молодая сестра спряталась на чердакѣ съ мужемъ и груднымъ ребенкомъ. Пришли погромщики, мужа избили и стащили внизъ, сестру изнасиловали, а плакавшему ребенку заткнули ротикъ тряпкою, такъ что онъ задохся. Сестра лежала еще въ больницѣ среди сотенъ раненыхъ и изувѣченныхъ. Опасались за ея разсудокъ.

Въ моей душѣ клокоталъ адъ. Боль и стыдъ жгли ее: боль за замученныхъ и опозоренныхъ, стыдъ за братьевъ, давшихъ убивать и увѣчить близкихъ, не сопротивляясь бандѣ гнусныхъ пьяныхъ погромщиковъ. Почему не была организована еврейская самооборона, если полиція и войска были на сторонѣ громилъ? Почему не защищали свою честь, если не могли защищать жизнь? Почему сотни еврейскихъ жертвъ и только двѣ-три изъ арміи Крушевана? Почему еще живъ этотъ мерзкій подстрекатель и другіе виновники рѣзни? Я метался въ безсильномъ гнѣвѣ во всѣ стороны. Въ одинъ изъ тѣхъ дней въ синагогѣ служили панихиду по убіеннымъ. Я пошелъ туда, услышалъ надрывающій сердце плачъ при заунывномъ пѣніи «Эль моле рахамимъ», но скоро выскочилъ изъ синагоги, пронзенный тѣмъ же острымъ чувствомъ, которое пѣвецъ «города рѣзни» излилъ потомъ въ своихъ гнѣвныхъ строкахъ:

Пойди въ дома, гдѣ молится народъ,
Послушай вопль измученнаго люда—
И дрожь тебя до сердца проберетъ:
Такъ, какъ они, рыдаетъ только племя,
Погибшее на вѣки, навсегда.
Ужели въ нихъ заглохло даже сѣмя
Возстанія и мщенья, и стыда,—
И даже злого, страстнаго проклятья
Не вырвалось у нихъ отъ боли ранъ?...

Я рѣшилъ исполнить завѣтъ поэта:

Не оскверни, какъ тѣ, водой рыданій
Святую боль нѣмыхъ твоихъ страданій,
Но сбереги нетронутой ее.
Лелѣй ее, храни дороже клада
И замокъ ей построй въ своей груди,
Построй оплотъ изъ ненависти ада....
И выростетъ взлелѣянное сѣмя,
И жгучій дастъ и полный яду плодъ,—
И въ оный часъ, когда настанетъ время.
Сорви его и брось его въ народъ!

Организація самообороны противъ погромовъ стала для меня первой и важнѣйшей задачей. Я разъѣзжалъ по разнымъ городамъ, гдѣ можно было ожидать провокаціи къ погромамъ со стороны жандармской арміи Плеве, и устраивалъ при помощи партійныхъ товарищей еврейскіе кружки самообороны. Въ концѣ лѣта я узналъ, что одинъ изъ этихъ кружковъ проявилъ чудеса храбрости во время погрома въ Гомелѣ. Я оплакивалъ павшихъ товарищей, но испытывалъ гордое чувство участника воюющей арміи, спасающей свою честь въ борьбѣ съ «превосходными непріятельскими силами».

Вскорѣ вспыхнула японская война. Меня мобилизовали въ первую очередь, перебросили съ юга на снѣжныя поля Сибири и оттуда въ Манчжурію. Въ Харбинѣ я встрѣтился съ группою евреевъ, высленныхъ русскими властями изъ Портъ-Артура передъ самой войной.— «А я иду защищать Портъ-Артуръ съ цѣлью сохранить его для Россіи»,—сказалъ я съ горькой усмѣшкой. Теперь я шелъ простымъ солдатомъ проливать кровь за Россію, и мнѣ казалось, что мои товарищи по оружію хоть сколько-нибудь оцѣнятъ значеніе этой жертвы. Я ошибся: со стороны военнаго начальства и солдатъ— правда, не всѣхъ— я встрѣчалъ то же презрительное отношеніе, что и раньше, въ мирное время. Служба при такихъ условіяхъ превращалась въ нравственную пытку. Полученная въ бою при Мукденѣ рана вышибла меня изъ строя. Меня перемѣщали изъ лазарета въ лазаретъ, и я вернулся въ Европейскую Россію уже въ тѣ

дни, когда тамъ гремѣли раскаты революціи. Я очутился въ своей стихіи.

1905 годъ, годъ великой революціи и страшныхъ погромовъ, годъ свѣтлыхъ надеждъ и мрачныхъ разочарованій,— среди персонажей твоей потрясающей драмы есть ли лицо болѣе трагическое, чѣмъ лицо еврея? Въ освободительное движеніе Россіи еврей бросился «съ гнѣвомъ униженнаго и страстностью мученика». Жертва позорнѣйшаго рабства и политической инквизиціи, узникъ «черты» шелъ въ бой со старымъ режимомъ въ состояніи почти религіознаго экстаза. Подобно другимъ еврейскимъ участникамъ революціи, я чувствовалъ, что за нашей спиной стоитъ взволнованная масса и что «ея карающая рука направляетъ наши удары въ грудь враждебнаго режима», хотя слишкомъ часто еврейскій лозунгъ заглушался нашими же общерусскими лозунгами. Въ такіе моменты я часто забывалъ о ближайшей цѣли и увлекался слишкомъ далекими перспективами. Я священнодѣйствовалъ у алтаря свободы. Увы, недолго продолжалось мое служеніе. Политическая инквизиція двинула на насъ свой подземный Ахеронъ— армію «черныхъ сотенъ», которая разрушила нашъ алтарь и утопила новорожденную Свободу въ грязныхъ волнахъ варварства, поднятаго со дна Россіи.

Еще весною 1905 года я видѣлъ эту надвигающуюся черную грозу; не разъ я лично сталкивался съ кровожадной арміей черносотенцевъ. Я участвовалъ въ самооборонѣ Житомира и видѣлъ распростертый у ногъ моихъ трупъ студента Блинова, члена нашей храброй дружины, единственнаго русскаго защитника избиваемыхъ евреевъ. Я стоялъ надъ изуродованными трупами десяти мучениковъ Троянова, десяти святыхъ еврейскихъ юношей, шедшихъ на помощь своимъ братьямъ въ Житомирѣ и растерзанныхъ въ пути озвѣрѣлой толпою крестьянъ. Я метался лѣтомъ по россійской Вандеѣ —юго-западному краю—и видѣлъ, какъ зрѣла къ осени кровавая жатва октябрьскихъ погромовъ.

Меня самого ударъ настигъ въ городѣ Умани, увѣковѣченномъ въ исторіи старой, буйной гайдамачины. Въ одинъ изъ погромныхъ дней, послѣдовавшихъ за манифестомъ 17 октября, я шелъ во главѣ вооруженнаго отряда самообороны противъ толпы хулигановъ, устроившихъ еврейскій погромъ, подъ видомъ «патріотической манифестаціи» и подъ сѣнью царскаго портрета на знамени. Мы отогнали орды погромщиковъ отъ многихъ домовъ, уложили на мѣстѣ нѣсколькихъ разбойниковъ, бросившихся на насъ съ дубинами, но ударъ

въ голову, нанесенный мнѣ сзади однимъ хулиганомъ, свалилъ меня. Тяжело раненый, я въ безсознательномъ состояніи былъ увезенъ въ больницу.

Въ дни невольнаго покоя и одиночества, послѣ перенесенной болѣзни, я много передумалъ. «Вотъ я дважды былъ раненъ,— думалось мнѣ: одинъ разъ меня ранила японская пуля, когда я воевалъ за Россію, а другой разъ меня оглушила дубина русскаго хулигана, выступавшаго въ «патріотической манифестаціи» отъ имени офиціальной Россіи. Какъ во многіе историческіе моменты, мой народъ опять очутился между молотомъ и наковальней. Не безсмысленна ли жизнь, гдѣ возможны такія страшныя противорѣчія, гдѣ хартія конституціи подносится въ оболочкѣ еврейскаго погрома?». Меня потянуло изъ россійской темницы на свѣтъ и воздухъ великой республики за океаномъ. Я не бѣжалъ отъ своихъ страдающихъ братьевъ, но хотѣлъ пріобщиться къ тѣмъ изъ нихъ, которые подъ вліяніемъ пережитыхъ ужасовъ массами устремились къ западной границѣ. Эмиграція въ Америку казалась мнѣ тогда главнымъ способомъ разрѣшенія еврейской проблемы. Когда я собирался въ путь, уже засѣдала первая Государственная Дума, «Дума народнаго гнѣва». На мгновеніе моя рѣшимость эмигрировать поколебалась: не начинаетъ ли свѣтать въ Россіи? Но тутъ внезапно раздались вопли убиваемыхъ въ Бѣлостокѣ; затѣмъ послѣдовали разгонъ «мятежной» Думы, чудовищный военный погромъ въ Сѣдлецѣ (за который устроившій его полковникъ получилъ офиціальную благодарность), пошла полоса казней и черносотеннаго террора, направленнаго главнымъ образомъ противъ евреевъ, и, наконецъ, совершился государственный переворотъ 3-го іюня 1907 года. Было ясно, что черная реакція утвердится надолго. И я пошелъ въ армію эмигрантовъ.

Съ волненіемъ приближался я, пилигримъ религіи свободы, къ ея американской Меккѣ. Хотѣлось поскорѣе увидѣть, какъ складывается въ Соединенныхъ Штатахъ новый еврейскій центръ, родившійся въ мукахъ россійскихъ погромовъ 1881 года и выросшій спустя четверть вѣка въ полуторамилліонную громаду. Я увидѣлъ огромный еврейскій Нью-Іоркъ, видѣлъ скопленіе большихъ еврейскихъ массъ въ другихъ городахъ великой республики, упивался атмосферою политической свободы, въ которой выпрямлялась согнутая спина русскаго еврея. Два года пробылъ я въ этой огромной фабрикѣ, гдѣ среди грохота желѣзныхъ машинъ куется будущій много-

милліонный центръ еврейства. Но оставаться здѣсь я не могъ. Изъ далекаго Египта неслись ко мнѣ стоны братьевъ, и мнѣ казалось, что я слишкомъ долго засидѣлся въ «обѣтованной землѣ», что я обязанъ ѣхать туда, откуда идутъ эти стоны, что нужна и моя помощь въ станѣ обездоленныхъ. И я вернулся домой, на «родину терзаній».

На родинѣ шла ликвидація минувшаго освободительнаго движенія, жестокая расправа со всѣми его участниками. Оказались «старые грѣхи» и за мною. Тайная полиція меня уже давно разыскивала, и какъ только я переступилъ границу Россіи, я попалъ въ «распростертыя объятія» пограничныхъ жандармовъ. Меня арестовали и подъ конвоемъ отвели въ «казенную гостиницу». Послѣ продолжительнаго тюремнаго сидѣнія въ Кіевѣ, меня отправили въ ссылку на далекій сѣверъ, для охлажденія моей революціонной температуры.

Изъ своей ссылки я слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ реставрированной Россіи. Третья Государственная Дума съ ея реакціоннымъ составомъ превратилась въ какую-то правительственную канцелярію. Юдофобія, шедшая раньше подъ казеннымъ клеймомъ, появилась въ обращеніи и подъ маркою «народнаго представительства». Режимъ Столыпина возвращалъ насъ ко временамъ Плеве. Воскресли старыя «облавы» на евреевъ, массовыя выселенія, процентная норма въ учебныхъ заведеніяхъ и даже внѣ ихъ, для несчастныхъ еврейскихъ «экстерновъ», моихъ младшихъ товарищей. Гнетъ получилъ характеръ мести за участіе евреевъ въ революціи, и снова сомкнулся заколдованный кругъ: бунтуютъ оттого, что бьютъ, и бьютъ за то, что бунтуютъ. Въ это время раздался въ Кіевѣ роковой выстрѣлъ Богрова, убившій Столыпина. Странное эхо отвѣтило въ реакціонномъ русскомъ обществѣ: это — рука мстителя-еврея. Что творилось въ Кіевѣ послѣ этой катастрофы, въ жуткіе сентябрьскіе дни 1911 года, я хорошо помню. Къ этому времени кончился срокъ моей сѣверной ссылки, и я вернулся въ Кіевъ въ началѣ сентября, когда еврейское населеніе было тамъ охвачено безумной паникой. Готовился въ низахъ черной сотни не только погромъ, готовилась рѣзня. Тысячи еврейскихъ семействъ запрудили вокзальную площадь, готовясь къ бѣгству. Тысячи оставшихся ложились каждый вечеръ съ мыслью: въ эту ночь насъ перерѣжутъ... Я снова испытывалъ боль и стыдъ Кишинева. Какимъ-то чудомъ гроза миновала: въ болѣе высокихъ сферахъ было рѣшено, что данный моментъ неудобенъ для выпуска черныхъ сотенъ на арену, —

и звѣрямъ былъ данъ знакъ возвратиться въ клѣтки. Но за то въ тайникахъ канцелярій и въ чайныхъ «союза русскаго народа» ковалось уже другое оружіе противъ еврейства: дѣло Бейлиса.

Тутъ во мнѣ проснулся старый боецъ, ветеранъ самообороны. Я бросился въ ряды тѣхъ, которые вели контръ-агитацію противъ преступнаго заговора рыцарей средневѣковья. Я сдѣлался журналистомъ и въ провинціальной прессѣ неустанно разоблачалъ безсовѣстныя козни черныхъ заговорщиковъ на верхахъ и въ низахъ. Я вступилъ въ организацію, поставившую себѣ цѣлью путемъ частнаго разслѣдованія раскрыть нити страшнаго заговора, тянувшагося отъ кіевскаго воровского притона госпожи Чеберякъ до дворца министра юстиціи Щегловитова въ столицѣ. Я метался во всѣ стороны, чувствуя боль свѣжей душевной раны, часто убѣждаясь въ своемъ роковомъ безсиліи. За мои статьи по дѣлу Бейлиса газеты неизмѣнно штрафовались, а редакторы часто привлекались къ судебной отвѣтственности. Я оказался очень убыточнымъ для газетъ сотрудникомъ, и моихъ статей избѣгали въ редакціяхъ. Тогда я самъ сталъ издавать газету въ провинціи. За короткое время газета, благодаря своему смѣлому тону, обратила на себя вниманіе публики, но, къ несчастью, также и вниманіе цензурныхъ аргусовъ. На редактора полился дождь административныхъ штрафовъ, а вдобавокъ меня привлекли къ судебной отвѣтственности по статьѣ, карающей за «возбужденіе вражды къ правительству».

Уже окончился процессъ Бейлиса, но ритуальная буря еще бушевала въ гнусномъ Фастовскомъ дѣлѣ и въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ, возбужденныхъ правительствомъ противъ редакторовъ и сотрудниковъ періодическихъ изданій, общественныхъ дѣятелей и учрежденій, которые осмѣлились усомниться въ непогрѣшимости министерства юстиціи и въ свое время выражали протестъ противъ «ритуальной политики». Въ іюнѣ 1914 г. петербургскихъ адвокатовъ судили и осудили за резолюцію протеста противъ дѣла Бейлиса. На 19 іюля былъ назначенъ и разборъ моего дѣла въ томъ провинціальномъ городѣ, гдѣ я издавалъ свою провинившуюся газету. Но этотъ день сталъ днемъ суда иного рода. Вспыхнула міровая война, началась мобилизація, и вмѣсто скамьи подсудимыхъ, я очутился въ рядахъ мобилизованныхъ запасныхъ. Начался послѣдній актъ моей жизненной драмы, самый страшный.

III.

Я до сихъ поръ не могу разобраться въ томъ особенномъ душевномъ состоянiи, которое какъ-то внезапно сложилось во мнѣ и тысячахъ мнѣ подобныхъ въ тѣ памятные iюльскiе дни 1914 года и потомъ очень туго поддавалось разрушительному дѣйствiю событiй. Призывъ къ участiю въ мiровой войнѣ какъ будто разсѣкъ мою душу на двѣ части. Отошли въ сторону, на заднiй фонъ сознанiя, недавнiя переживанiя: безправiе, погромы, дѣло Бейлиса, весь адъ русско-еврейской жизни, а въ освободившейся части души водворилось что-то новое, похожее на патрiотическое чувство. Это не было, конечно, то чувство, которое въ первые дни войны шумно выступало на улицахъ въ патрiотическихъ манифестацiяхъ, большею частью неискреннихъ, иногда возбуждавшихъ во мнѣ отвращенiе. То было совершенно иное, очень сложное душевное состоянiе, въ которомъ «странная любовь» къ родинѣ сливалась съ идейнымъ энтузiазмомъ, съ пламенною вѣрою—точнѣе, потребностью вѣры—въ освободительную миссiю войны. Во мнѣ заговорило прежде всего чувство родины. Вѣдь это и мой край, эта широкая полоса между Нѣманомъ и Днѣпромъ, тысячелѣтняя обитель моихъ предковъ, нынѣ готовая принять ударъ разрушителя, обреченная «мечу и пожарамъ», какъ бы ждущая помощи своихъ сыновъ. Затѣмъ меня окрыляла мысль о томъ, что теперь, быть можетъ, начинается послѣдняя въ исторiи война культурныхъ народовъ, что это—война съ войною, съ мерзкимъ культомъ милитаризма, олицетвореннымъ особенно ярко въ Германiи. Вѣдь мы идемъ въ союзѣ съ двумя великими европейскими демократiями, выдвинувшими лозунгъ «освобожденiя малыхъ нацiй». Неужели—думалось мнѣ—будутъ освобождены Бельгiя и Сербiя, страдающiя только со вчерашняго дня, и не будетъ освобожденъ шестимиллiонный народъ, порабощенный въ самой большой странѣ европейскаго «союза освобожденiя», народъ, сейчасъ дающiй этому союзу почти полумиллiонную армiю? Это казалось невозможнымъ въ моментъ, когда начинаетъ твориться судъ исторiи.

Мое настроенiе увлекало меня гораздо дальше. Позорное рабство моего народа должно прекратиться немедленно, какъ бы автоматически, въ силу простой необходимости: спасающiй родину цѣною своей жизни не можетъ быть одновременно угнетаемъ ею; обороняющiй страну отъ ига иноземнаго долженъ быть немедленно освобожденъ отъ ига туземнаго. Пусть не сочтутъ

меня наивнымъ,—весь мой прошлый жизненный опытъ вовсе не располагалъ меня къ наивности,—но въ данный моментъ я и многіе со мною, шедшіе на смерть за родину-мачеху, вѣрили въ неизбѣжность быстраго перелома въ отношеніяхъ къ евреямъ, какъ и вообще во внутренней политикѣ. Признаюсь, я со дня на день ждалъ какого-то акта раскрѣпощенія еврейства, запоздалаго акта раскаянія со стороны гонителей наканунѣ всемірнаго суда. Во мнѣ тогда говорилъ паѳосъ исторіи, который подъ угломъ зрѣнія вѣчности—а иначе я тогда не могъ мыслить—содержитъ больше правды, чѣмъ трезвая проза дня. И когда я въ казармѣ для мобилизованныхъ запасныхъ развернулъ газетный листъ съ отчетомъ объ «историческомъ» засѣданіи Государственной Думы, 26 іюля, сердце у меня билось тревожно: я искалъ торжественныхъ актовъ власти, смѣлыхъ требованій Думы, по крайней мѣрѣ—обѣщаній, задатковъ обновленія. Я ничего не нашелъ, кромѣ изъявленія—даже въ рѣчи *нашего* депутата—готовности «исполнить долгъ свой до конца», безъ упоминанія о громадномъ долгѣ родины по отношенію къ намъ. На мгновеніе я смутился, но потомъ подумалъ: nolentem fata trahunt,—упорствующихъ судъ исторіи скоро заставитъ уступить, ибо и къ побѣдѣ ведутъ великія испытанія... Охваченный этимъ порывомъ энтузіазма, я шелъ въ рядахъ нашей огромной арміи, вторгшейся въ Восточную Пруссію.

Въ пути раскрываю газету и читаю: воззваніе верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ. Какой хорошій языкъ, совсѣмъ несвойственный нашимъ офиціальнымъ актамъ!—«Мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ близка къ осуществленію». Вотъ оно, начало обновленія: принесена благая вѣсть свободы одной угнетенной націи... Но почему же только одной? Гдѣ слово ободренія для другой, еще болѣе угнетенной націи, въ гущу которой теперь также врѣзался германскій мечъ, сыны которой также раздроблены между воюющими государствами? Неужели насъ опять обойдутъ, насъ, которыхъ не любятъ какъ сыновъ родины, и не боятся какъ пасынковъ?.. Нѣтъ, не можетъ быть. Подождемъ, придетъ и наша очередь... И мы шли въ рядахъ громадной арміи, шли прямо въ огненную печь Восточной Пруссіи. «Насъ велъ, грозя очами, генералъ сѣдой»—знакомый герой карательныхъ экспедицій 1905 года и недругъ еврейства, Ренненкампфъ; но о личности вождя хотѣлось забыть въ этотъ торжественный моментъ. Сначала на нашу долю выпадали успѣхи, правда, дорого купленные въ кровавыхъ бояхъ:

мы уже подвигались къ Кенигсбергу. Тутъ я пережилъ одно глубокое душевное потрясеніе.

Послѣ жаркаго боя гдѣ-то около Инстербурга, я съ отрядомъ солдатъ конвоировалъ группу плѣнныхъ нѣмцевъ, среди которыхъ было нѣсколько раненыхъ. Въ дорогѣ одинъ изъ раненыхъ громко застоналъ и сталъ что-то говорить окружавшимъ его русскимъ солдатамъ, но тѣ не понимали его языка. Я подошелъ къ нему и спросилъ по-нѣмецки, что съ нимъ. Полузакрытые глаза блѣднаго, красиваго юноши открылись, и онъ прошепталъ: «Скоро ли довезутъ до пункта? Худо мнѣ. Кажется, умираю». Затѣмъ онъ какъ-то особенно воззрился въ меня и тихо спросилъ: «вы, кажется, еврей»? Мой утвердительный отвѣтъ явно взволновалъ больного; онъ нѣсколько помолчалъ, по губамъ скользнула страдальческая улыбка, а затѣмъ онъ сказалъ: «Я тоже еврей... Я пошелъ сражаться противъ Россіи, но за русскихъ евреевъ. Я хотѣлъ отомстить за ужасы Кишинева и октябрьскихъ погромовъ, за дѣло Бейлиса, за муки милліоновъ братьевъ... Ну, вотъ вы, я вижу, тоже интеллигентный еврей: неужели вы вѣрите, что сражаетесь за освобожденіе своего народа?» Я отвѣтилъ: вѣрю... Онъ посмотрѣлъ на меня долгимъ проникновеннымъ взглядомъ, хотѣлъ что-то сказать, но отъ новаго приступа боли у него вырвался только стонъ. Скоро мы сдали умирающаго на ближайшій санитарный пунктъ, а сами двинулись дальше.

Я шелъ по ровной мощеной дорогѣ, залитой августовскимъ солнцемъ, а въ головѣ кипѣли думы, и сердце щемило. Вотъ она, двойная трагедія, двойная жертва раздробленнаго народа. Полякъ идетъ на поляка, еврей на еврея. Австрійскій полякъ зоветъ россійскаго въ свои польскіе легіоны для освобожденія Польши; мой соплеменникъ изъ Германіи мечтаетъ о мести за поруганное русское еврейство и думаетъ, что несетъ намъ свободу,—онъ не знаетъ, что мы сами защищаемъ себя тѣмъ, что участвуемъ въ освобожденіи Россіи и отъ Германіи, и отъ деспотическаго внутренняго режима, источника нашихъ страданій. Въ то время во мнѣ еще не угасла вѣра въ нашъ освободительный подвигъ.

Страшное пораженіе при Сольдау скоро вышибло насъ изъ Восточной Пруссіи. Во время бѣдственнаго отступленія я былъ раненъ въ ногу. Меня везли въ поѣздѣ, переполненномъ ранеными, на сѣверъ, въ Вильну. Какъ-то само собою вышло, что больные размѣстились группами въ разныхъ отдѣленіяхъ вагона: русскіе, евреи, поляки. Въ польскомъ углу какъ-то

особенно непріятно шипѣло слово «жидзи». Изъ сосѣдней русской группы доносились отрывочныя фразы: «Что нѣмцы, что жиды, все одно... Предаютъ. Ротный сказывалъ». Я вздрогнулъ. Вотъ она, наука Ренепкампфовъ: надо оправдать свою бездарность и преступную небрежность, свалить неудачу на голову еврея, вѣчнаго козла отпущенія. Тутъ въ первый разъ во время войны какая-то тѣнь легла на мою восторженную вѣру.

Изъ Вильны насъ увезли въ Петербургъ, только что переименованный въ Петроградъ, и помѣстили въ лазаретѣ. Мою ногу не пришлось ампутировать, но требовалось продолжительное леченіе. Очутившись въ глубокомъ тылу, я сталъ разбираться въ своихъ походныхъ впечатлѣніяхъ и присматриваться къ тому, что происходило кругомъ. Моими сосѣдями по палатѣ были еврейскіе солдаты изъ разныхъ мѣстъ черты осѣдлости. Двое юношей ждали со дня на день пріѣзда родителей изъ Виленской губерніи, но не дождались: полиція отказала старикамъ въ правѣ жительства въ столицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Мать одного изъ юношей рѣшилась «самовольно» пріѣхать въ Петроградъ; днемъ она посѣтила сына и немало наплакалась, глядя на его ампутированную руку, а ночью несчастную женщину забрали въ полицейскій участокъ и выслали на родину, не давъ даже попрощаться съ сыномъ. Вѣсть объ этомъ произвела въ нашей палатѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Значитъ, и теперь продолжается старая система издѣвательства и гнета; значитъ, міровое землетрясеніе не поколебало инквизиторскаго режима по отношенію къ евреямъ. Неужели въ «глубинѣ Россіи» не чувствуютъ карающей руки исторіи?.. Я попросилъ посѣщавшаго меня петроградскаго товарища приносить мнѣ для чтенія еврейскія газеты: я долженъ знать все, что дѣлается съ моими братьями въ тылу, ибо я *за нихъ* шелъ въ огонь міровой войны, за *нихъ* четыреста тысячъ еврейскихъ солдатъ стоятъ на фронтѣ противъ смертоносной силы тевтонской...

Я узналъ «многое и страшное». Узналъ, что бѣженцевъ-евреевъ изъ пограничныхъ литовскихъ губерній, куда вторгся непріятель, не пускаютъ на жительство въ губерніи внѣ черты, гдѣ у нихъ имѣются родственники: бѣгущимъ отъ вражескаго меча преграждаютъ путь въ собственной странѣ. Я узналъ, что школьные бѣженцы—наши заграничные студенты, нѣкогда изгнанные изъ русской школы въ германскую, какъ евреи, и теперь изгнанные изъ Германіи, какъ русскіе, не допускаются въ высшія учебныя заведенія Россіи для окончанія своего образованія. Министръ-юдофобъ Кассо заявилъ просителямъ,

что еврейская «школьная норма» незыблема, и сотни еврейскихъ юношей должны были промѣнять университетскую аудиторію на солдатскую казарму, то есть идти на смерть во славу позорной «нормы». Студенты-евреи лягутъ костьми при защитѣ Варшавы, какъ легли ихъ товарищи-герои при защитѣ бельгійскаго Льежа,—тамъ за то, что чужая школа ихъ пріютила, а здѣсь за то, что своя школа ихъ выбросила... Я весь дрожалъ отъ гнѣва, когда прочелъ два приказа петроградскаго градоначальника Оболенскаго, напомнившіе мнѣ 1891 годъ. Въ одномъ приказѣ повелѣно евреевъ, не имѣющихъ права жительства въ столицѣ и «самовольно» туда прибывшихъ, заключать въ тюрьму на три мѣсяца и потомъ высылать; въ другомъ полицейскимъ чинамъ приказано при высылкѣ еврея отбирать у него паспортъ и выдавать проходное свидѣтельство для слѣдованія на родину. Оба распоряженія изданы на основаніи «военнаго положенія». Тамъ на фронтѣ, на дѣйствительномъ военномъ положеніи находятся сотни тысячъ евреевъ, которые здѣсь, въ столицѣ, лишены права жительства и подлежатъ «за самовольное прибытіе» туда тюремному заключенію. Ты обязанъ умирать за отечество, но жить въ его столицѣ и большей половинѣ его территоріи тебѣ нельзя. Позже я узналъ о «милости», оказанной еврейскимъ солдатамъ, лишившимся ногъ или рукъ на войнѣ: министръ Маклаковъ разрѣшилъ имъ жить въ столицѣ «не болѣе двухъ мѣсяцевъ, для приспособленія себѣ искусственныхъ конечностей»; по истеченіи срока эти инвалиды должны убираться на своихъ костыляхъ изъ столицы государства, при защитѣ котораго они сдѣлались калѣками на всю жизнь. Я перебиралъ въ умѣ всѣ кодексы гнета и насилія, примѣнявшіеся къ гонимой націи на протяженіи вѣковъ, и не могъ найти ничего подобнаго при подобныхъ условіяхъ.

Я съ ужасомъ чувствовалъ, какъ подъ ледянымъ дыханіемъ дѣйствительности стынетъ моя горячая вѣра, гаснетъ пылъ борьбы, исчезаетъ жажда подвига. Теперь я уже укорялъ себя за дѣтскую наивность недавнихъ дней: вотъ ты ждалъ акта эмансипаціи или, по крайней мѣрѣ, ободряющихъ обѣщаній, ждалъ мира или хоть перемирія съ еврействомъ, а между тѣмъ война съ твоимъ народомъ продолжается съ прежнимъ ожесточеніемъ... Я чувствовалъ, что почва шатается подъ моими ногами. Я задыхался въ Петроградѣ, среди жуткихъ столичныхъ новостей и толковъ. Я уже слышалъ, что изъ Польши, гдѣ тогда кипѣлъ бой народовъ, ползетъ и расползается по всей Россіи зараза гнуснаго навѣта о «еврейской измѣнѣ». Что

теперь чувствуютъ мои братья тамъ, на фронтѣ, среди злобнаго шипѣнія гадовъ кругомъ и шипѣнія шрапнелей надъ головами? Какой адъ клокочетъ теперь въ душахъ этихъ затравленныхъ защитниковъ родины? Я долженъ быть вмѣстѣ съ ними, долженъ страдать и терзаться съ ними... И я попросилъ своихъ лазаретныхъ врачей ускорить срокъ выписки меня изъ лазарета, такъ какъ я чувствую себя достаточно здоровымъ, чтобы вернуться въ дѣйствующую армію. Мою просьбу, конечно, весьма охотно исполнили, и въ октябрѣ 1914 г. я уже мчался въ вагонѣ желѣзной дороги по направленію къ варшавскому фронту, въ самый огонь войны.

IV.

То, что я здѣсь увидѣлъ, превзошло наихудшія мои ожиданія. Атмосфера Польши была насыщена ядомъ юдофобскаго «военнаго навѣта». Спеціалистъ по изученію практики россійской юдофобіи, я здѣсь познакомился съ польскою ея разновидностью, представляющею характерныя особенности. Русская юдофобія—нападеніе медвѣдя, польская—укусъ змѣи. Медвѣдь идетъ на васъ прямо, тяжелой поступью, а затѣмъ наваливается и душитъ; змѣя подползаетъ незамѣтно, сзади, укуситъ въ пятку, выпуститъ свой ядъ и быстро шмыгнетъ въ кусты. Когда въ Россіи гремѣло дѣло Бейлиса, грубо, топорно слаженное, въ Польшѣ разгорался бойкотъ противъ евреевъ, съ виду невинное средство «пассивнаго сопротивленія», но на дѣлѣ ядовитое снадобье, отравлявшее душу въ семьѣ, школѣ, обществѣ. Русскій погромщикъ открыто ходилъ на насъ съ дубиною; польскій тайкомъ, ночью, поджигалъ домъ еврея-арендатора въ селѣ, предусмотрительно заперевъ двери снаружи, чтобы проснувшіеся не могли спастись. Къ началу войны общественная атмосфера въ русской Польшѣ была уже настолько загрязнена, что микробъ военнаго навѣта могъ въ ней размножиться до безконечности. Польская змѣя направила весь свой ядъ на насъ послѣ того, какъ съ русской стороны Польшѣ возвѣстили условную свободу. Въ ожиданіи свободы, польское общество принялось за искорененіе еврейства, заранѣе подготовляя деспотическое господство «единой націи надъ Вислой». Наступилъ моментъ, когда двѣ юдофобіи, польская и русская, слились воедино, и еврейство одновременно почувствовало укусъ въ ногу и ударъ въ голову.

Вступивъ въ одинъ изъ полковъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто въ районѣ Люблинъ-Варшава, въ огненномъ поясѣ

германскаго наступленія, я видѣлъ арсеналъ, гдѣ ковалось оружіе юдофобскаго навѣта. Вотъ нашъ отрядъ вступаетъ въ городокъ, откуда только что ушли нѣмцы. Немедленно къ начальнику отряда является польская депутація съ патріотическими привѣтствіями отъ имени всего польскаго населенія (значительная часть котораго только вчера стояла за «австрійскую оріентацію»), и при этомъ что-то нашептываетъ про евреевъ: евреи хорошо встрѣчали нѣмцевъ, лавочники охотно отпускали имъ товаръ (вслѣдствіе реквизиціи), а иные шпіонили въ пользу непріятеля (называются имена намѣченныхъ жертвъ). И все готово. Ядъ впущенъ. Военное начальство творитъ судъ и расправу. Судъ скорый: два-три лжесвидѣтеля—и трупъ еврея - «шпіона», жертвы клеветы, болтается уже на веревкѣ. Расправа съ «нелояльными», съ «друзьями нѣмцевъ» еще короче: лавочникъ, лишившійся товара вслѣдствіе германской реквизиціи, обвиняется въ сокрытіи товара и злостномъ нежеланіи продавать его русскимъ, и все его имущество отдается солдатамъ на разграбленіе.

Въ одномъ городѣ къ нашему генералу, готовившему крутыя мѣры противъ евреевъ, явилась депутація отъ еврейской общины. Генералъ встрѣтилъ ее очень грубо и съ перваго же слова сталъ перечислять всѣ грѣхи евреевъ: сочувствіе непріятелю, случаи невѣрности и т. д. Когда депутаты фактически все это опровергли, генералъ воскликнулъ: «А вотъ ужъ этого не станете отрицать, что евреи распространяли по городу обращенную къ нимъ нѣмецкую прокламацію, гдѣ говорилось: «Помните дѣло Бейлиса, помните Кишиневъ и погромы!» Депутаты отвѣтили, что нѣкоторые могли на улицѣ поднимать и читать эти прокламаціи, но не распространяли ихъ. «Какъ не распространяли!—воскликнулъ генералъ.—Вѣдь были же погромы, было дѣло Бейлиса, вы не могли этого забыть. Вы *должны были* сочувствовать тому, что говорилось въ этихъ бумажкахъ!..» Вотъ она, психологія навѣта: «должны были». Мучаютъ, а потомъ увѣрены, что мученикъ мститъ имъ, потому что «долженъ» мстить. Убійцу всегда преслѣдуетъ тѣнь убитаго...

Я все это видѣлъ, я самъ находился въ составѣ тѣхъ отрядовъ, которые несли моимъ братьямъ гибель. Я видѣлъ однажды, какъ вели на висѣлицу почтеннаго старика, обвиненнаго въ томъ, что вращеніемъ своей вѣтряной мельницы онъ сигнализировалъ нѣмцамъ. Все время старикъ кричалъ по-польски: «я невиновенъ, клянусь». Его повѣсили. Потомъ я слышалъ,

что самъ военный прокуроръ говорилъ, что убѣжденъ въ невиновности казненнаго. Еще узналъ я, что у этого старика сынъ убитъ на войнѣ,—убитъ, можетъ быть, въ тотъ моментъ, когда отецъ былъ казненъ... Я видѣлъ, какъ громили еврейскія лавки, пробовалъ усовѣщевать товарищей-солдатъ, но получилъ отвѣтъ: «Молчи, жидъ! Своихъ выручаешь, предателей!» Я видѣлъ, какъ казакъ съ налитыми кровью глазами билъ сѣдобородаго хасидскаго раввина съ лицомъ святого за то, что тотъ не отвѣчалъ ему на заданные вопросы, которыхъ несчастный не понималъ, не зная ни слова по-русски. Выраженіе лица избиваемаго старика показалось мнѣ знакомымъ, и я вспомнилъ: вѣдь это обыкновенный ликъ Распятія, съ тѣмъ же страдальческимъ выраженіемъ обращенныхъ къ небу глазъ, вопрошающихъ: за что?.. И я вспомнилъ то, что сказалъ мнѣ въ дѣтствѣ отецъ о распятомъ Человѣкѣ и распятомъ Народѣ... Многое еще я видѣлъ, но разсказать все не успѣю: вѣроятно, жить мнѣ осталось недолго. Запишу второпяхъ только то, что особенно потрясло душу.

Это было поздней осенью 1914 года. Наша дивизія шла по Варшавской губерніи, часть которой уже была въ рукахъ нѣмцевъ. На шоссейной дорогѣ, ведущей въ Гродзискъ, въ 20 верстахъ отъ городка, мы увидѣли двигавшуюся намъ навстрѣчу безпорядочную толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей. За передними рядами тянулись еще толпы людей, запрудившія дорогу на цѣлую версту. Это было все еврейское населеніе Гродзиска, отъ грудныхъ младенцевъ до столѣтнихъ стариковъ, изгнанное оттуда въ теченіе *трехъ* часовъ по приказу командующаго арміей польскаго фронта, какъ населеніе, пребываніе котораго «неудобно въ районѣ военныхъ дѣйствій». То были жертвы польско-русскаго навѣта. На сотни изгнанныхъ семействъ можно было достать только десятокъ подводъ, и на нихъ, среди жалкихъ остатковъ домашняго скарба, валялись больные, дряхлые старики, слабыя дѣти. Всѣ остальные шли пѣшкомъ: женщины несли грудныхъ дѣтей на рукахъ, временами сгибаясь и падая отъ усталости; слабыхъ стариковъ и старухъ вели подъ руку. Люди шли измученные, еле волоча ноги. Увидѣвъ группу еврейскихъ солдатъ въ нашемъ отрядѣ, многіе изъ переднихъ рядовъ подняли руки и закричали: братья, смотрите, что съ нами дѣлаютъ (Brüder, seht wos men tut mit uns!). Что-то жгучее, какъ прикосновеніе раскаленнаго желѣза, толкнуло меня; я рванулся было изъ строя по направленію къ простертымъ рукамъ, но сосѣдъ-солдатъ дернулъ меня

за рукавъ шинели: «Что ты, съ ума сошелъ, изъ строя выходить!» Я остановился, хотѣлъ что-то крикнуть людямъ съ простертыми руками, но не могъ испустить ни одного звука. Я взглянулъ на своихъ товарищей по ротѣ: солдаты-евреи, особенно изъ запасныхъ, вытирали рукавомъ шинели обильно струившіяся по ихъ щекамъ слезы. Имъ, вѣроятно, вспомнились ихъ собственныя семьи, которыя могли подвергнуться той же участи. Нашъ ротный командиръ скоро прекратилъ эту «сцену», приказавъ намъ идти ускореннымъ маршемъ. Мы быстро прошли мимо бредущихъ страдальцевъ. Черезъ три часа мы вошли въ Гродзискъ и увидѣли странное зрѣлище: опустѣвшія улицы, дома съ закрытыми ставнями, закрытыя лавки; но на порогахъ нѣкоторыхъ открытыхъ лавокъ, съ еврейскими фамиліями на вывѣскахъ, стояли поляки въ позѣ хозяевъ. Ловкіе люди уже воспользовались несчастьемъ сосѣдей и вступили во владѣніе ихъ наслѣдствомъ. Потомъ мы узнали, что такое же внезапное выселеніе постигло еврейскихъ жителей сосѣдней Скерневицы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Варшавской губерніи. По всѣмъ дорогамъ тянулись десятки тысячъ изгнанниковъ, направляясь пѣшкомъ въ Варшаву, проходя иногда по 80 верстъ по осенней грязи, подъ холоднымъ дождемъ; падавшихъ отъ изнеможенія женщинъ, дѣтей и стариковъ поднимали и несли на рукахъ, ибо мѣстъ на подводахъ съ вещами уже не было. По прибытіи въ Варшаву изгнанники обнаружили на подводахъ нѣсколько умершихъ больныхъ и умирающихъ, окоченѣвшихъ въ пути. Въ Варшавѣ многіе изъ этихъ несчастныхъ семействъ разыскали своихъ родныхъ, солдатъ дѣйствующей арміи, которые защищали родину, но не могли защитить свои родныя гнѣзда, своихъ матерей и отцовъ, женъ и дѣтей отъ разгрома со стороны *своей* военной власти.

Куда дѣвался мой іюльскій энтузіазмъ! Я бросился въ міровую борьбу съ вѣрою въ освобожденіе братьевъ,—и что же? Я, вооруженный человѣкъ, призванный сразить германскаго гиганта, не могу защитить ни одного изъ моихъ братьевъ, спасти жизнь хоть одному старику, одному ребенку, гонимому штыкомъ русскаго солдата. Я шествую въ рядахъ арміи, передъ которою, какъ пыль передъ бурею, разлетаются разоренныя еврейскія массы. 35 лѣтъ съ евреями воевало гражданское правительство, теперь съ ними воюетъ правительство военное, у котораго размахъ погрома шире, расправа короче. Это правительство ворвалось теперь въ черту осѣдлости съ милліонами штыковъ и поступаетъ съ еврейскимъ населеніемъ, какъ съ

непріятельскимъ. Оно даже беретъ *заложниковъ* изъ почетныхъ лицъ общинъ въ обезпеченіе лояльности населенія. Старые раввины, именитые купцы увозятся въ ссылку въ восточныя губерніи Россіи съ предупрежденіемъ, что они будутъ повѣшены, если при оккупаціи ихъ города нѣмцами евреи обнаружатъ сочувствіе непріятелю. Ну, а какъ же простымъ людямъ не провиниться въ «германофильствѣ», если, напримѣръ, въ большомъ городѣ Плоцкѣ командующій русской арміей приказалъ выселить всѣхъ евреевъ, а ворвавшійся въ тотъ же день въ городъ нѣмецкій отрядъ изгналъ русскихъ и велѣлъ остаться евреямъ, уже готовившимся идти въ изгнаніе? Еврейскимъ заложникамъ Плоцка, если ихъ успѣла увезти русская армія, грозила казнь за чувство благодарности ихъ оставшихся соплеменниковъ къ своимъ пришлымъ спасителямъ.

Особенно острое чувство боли и стыда испыталъ я, когда нашъ полкъ очутился въ занятой русскими войсками *Галиціи*. Отъ Бродъ до Львова и далѣе до Перемышля бродило страшное сказаніе о казацкомъ нашествіи, о повтореніи ужасовъ 1648 года .Десятки еврейскихъ общинъ были стерты съ лица земли. Не трогая обыкновенно поляковъ, которые приказомъ главнокомандующаго объявлены неприкосновенными, и своихъ братьевъ-русиновъ, россійскія войска всю ярость обрушили на евреевъ. Въ своемъ невѣжествѣ не только солдаты, но и офицеры расправлялись съ евреями Галиціи за «враждебное отношеніе» ихъ къ русской арміи, какъ будто австрійскіе подданные обязаны были питать дружескія чувства къ апостоламъ погромовъ, пришедшимъ изъ враждебной имъ Россіи. Во Львовѣ я встрѣчался съ интеллигентными представителями мѣстной еврейской общины, которые остались тамъ для спасенія своихъ братьевъ отъ когтей хищныхъ русскихъ чиновниковъ изъ орды генералъ-губернатора Бобринскаго. «Вотъ мы скоро будемъ уравнены съ вами въ правахъ,—сказалъ мнѣ съ горечью одинъ изъ этихъ еврейскихъ дѣятелей, докторъ философіи.—Въ газетахъ уже пишутъ, что русское правительство рѣшило отнять у галиційскихъ евреевъ равноправіе и даже конфисковать ихъ сельскія помѣстья въ пользу русскихъ колонистовъ, москвофиловъ. Къ шести милліонамъ безправныхъ прибавится еще свыше милліона—вотъ результатъ вашей освободительной войны». «Вашей»—меня кольнуло это слово. Увы, мой собесѣдникъ не подозрѣвалъ, что война уже перестала быть для меня освободительною; онъ не зналъ, что бьетъ по больному мѣсту, довершаетъ уже начавшееся разрушеніе. Да, вмѣсто освобожде-

нія, я несу братьямъ въ Россіи муки погромовъ, а свободнымъ братьямъ въ Галиціи цѣпи рабства.

Чувствую, что за полугодіе войны я постарѣлъ какъ будто на 20 лѣтъ. Я уже не тотъ неистовый, возмущавшійся всякимъ насиліемъ до жгучей потребности отпора. Я согнулся подъ тяжестью страшныхъ переживаній. Согнулась душа, встрепенувшаяся въ первый моментъ міровой бури, и, кажется, не выпрямиться ей болѣе...

V.

Въ концѣ апрѣля 1915 года началось наше бѣдственное отступленіе изъ Галиціи. Порабощеніе галиційскихъ евреевъ было снято съ моей совѣсти: теперь они будутъ свободны, хотя нищи, разорены. Уцѣлѣвшія части нашей юго-западной арміи были переброшены въ Польшу и Литву куда теперь напирала вся сила австро-германская. Въ началѣ мая нашъ полкъ былъ уже въ Ковенской губерніи.

На всѣхъ путяхъ и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ происходила какая-то странная сутолока. Что это: новая мобилизація? Да, только мобилизуютъ не армію, а двѣсти тысячъ не военно-обязанныхъ— стариковъ, дѣтей и женщинъ, все еврейское населеніе половины Ковенской, Курляндской и части Гродненской губерній. По приказу командующихъ войсками, мирное еврейское населеніе въ нѣсколько дней, а мѣстами въ нѣсколько часовъ, было поголовно изгнано изъ этихъ мѣстъ, гдѣ (какъ въ Курляндіи) было оставлено въ покоѣ даже нѣмецкое населеніе. Безпощадно изгоняли всѣхъ евреевъ безъ различія, даже нужныхъ оставшимся христіанамъ врачей, даже обитателей больницъ и домовъ для умалишенныхъ. То была жестокость, напоминавшая варварскія депортаціи цѣлыхъ странъ во времена древнихъ ассиро-вавилонскихъ царей. Передъ моими глазами прошли тысячи жертвъ новыхъ Небухаднецаровъ, свирѣпствовавшихъ въ литовской Іудеѣ. Изъ дверей темныхъ товарныхъ и «скотскихъ» вагоновъ выглядывали исхудалыя лица выселенцевъ, слышались стоны матерей, плачъ дѣтей. На станціяхъ никого не выпускали изъ вагоновъ; мѣстами начальники станцій не допускали къ несчастнымъ сердобольныхъ людей, приносившихъ имъ пищу. Только уполномоченнымъ «Еврейскаго комитета помощи жертвамъ войны» изъ Петрограда дозволялось оказывать помощь этимъ жертвамъ внутренней войны власти съ евреями. На одномъ вокзалѣ я встрѣтилъ среди уполномоченныхъ моего петроградскаго прія-

теля. Когда ему послѣ долгихъ хлопотъ удалось снабдить необходимою провизіей очередной поѣздъ съ выселенцами, онъ отвелъ меня въ сторону и разсказалъ о подробностяхъ новой катастрофы. Я взглянулъ на его блѣдное исхудалое лицо и сказалъ: ты боленъ, тебѣ бы вернуться въ Петербургъ и отдохнуть лѣтомъ на дачѣ. «Какой тамъ дачный отдыхъ!— воскликнулъ онъ.—Вѣдь я самъ выселенецъ. Я заранѣе нанялъ дачу въ ближайшихъ мѣстахъ Финляндіи, да вотъ недавно командующій сѣверной арміей запретилъ евреямъ жить на всемъ побережьѣ Финскаго залива. Все еврейское населеніе столицы должно нынѣшнимъ лѣтомъ томиться въ душномъ городѣ».

Странное, жуткое чувство овладѣло мною, когда я съ нашимъ отрядомъ проходилъ по городамъ Литвы, только что покинутымъ моими братьями. Весь край имѣлъ какой-то пустынный, траурный видъ; его опустошили еще до прихода нѣмцевъ. Мнѣ приходилось быть свидѣлелемъ потрясающихъ трагедій. Въ нашемъ полку было немало евреевъ, уроженцевъ Литвы, оставившихъ здѣсь свои семьи и мечтавшихъ увидѣть ихъ при переходахъ черезъ родной край. Эти люди увидѣли теперь родныя мѣста: опустѣлые дома, изъ которыхъ часто было расхищено имущество; нѣтъ жены и дѣтей, нѣтъ родной души. Разъ прохожу мимо одного дома въ Поневѣжѣ и слышу раздирающій сердце плачъ. Вхожу. Сидитъ на поломанномъ стулѣ, облокотясь на подоконникъ, нашъ запасной солдатикъ и судорожно плачетъ. Я замѣтилъ, что онъ держитъ въ рукѣ какую-то дѣтскую игрушку. «Вотъ— говоритъ онъ, всхлипывая,— игрушка моего маленькаго сына... Нѣтъ его, нѣтъ жены съ другимъ, груднымъ ребенкомъ. Выгнали...» Затѣмъ онъ быстро отеръ слезы и, схвативъ меня за руку, проговорилъ сдавленнымъ, охрипшимъ отъ плача, голосомъ: «Ну, вотъ вы— образованный человѣкъ, скажите мнѣ, за что я воюю? За цѣлость родины, за безопасность нашихъ семействъ? Но вотъ же отняли у меня родину, опустошили домъ, разрушили семью, и сдѣлали это не враги, а свои, тѣ, въ рядахъ которыхъ я сражаюсь. И за какую вину? Вѣдь за то только, что мы евреи»... Что могъ я, «образованный человѣкъ», сказать въ утѣшеніе этому бѣдному портному? Я нагнулся къ его уху и прошепталъ: «дорогой братъ, я раньше зналъ, за что воюю, а теперь и я не знаю»... Черезъ нѣсколько дней этотъ солдатъ шелъ рядомъ со мною въ контръ-аттаку противъ нѣмцевъ. Съ какимъ-то отчаяніемъ, какъ будто ища смерти, онъ ринулся впередъ и тутъ же упалъ, сраженный пулею. Я нагнулся къ нему: губы слабо шевели-

лись, полузакрытые глаза были обращены къ ясному майскому небу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ.

Юдофобская злоба шипѣла теперь въ Литвѣ, какъ раньше въ Польшѣ. Рядомъ со мною русскіе солдаты читали розданные имъ военные листки, гдѣ описывался случай мнимаго «предательства евреевъ» въ Кужѣ, близъ Шавель. Отношеніе къ намъ, группѣ еврейскихъ солдатъ, въ ротѣ стало невыносимымъ. Когда я черезъ нѣсколько дней былъ въ Шавляхъ, мѣстные жители разсказали мнѣ, что въ Кужѣ никакого «предательства» со стороны евреевъ не могло быть, ибо въ тотъ день тамъ не было уже ни одного еврея; все это выдумано начальникомъ мѣстнаго отряда, истребленнаго нѣмцами, вслѣдствіе преступной безпечности этого начальника, который хотѣлъ свалить съ себя вину на мнимыхъ «предателей». И когда я вскорѣ прочелъ въ газетахъ о шпіонской организаціи «истинно-русскаго» Мясоѣдова, близкаго къ военному министру Сухомлинову, и о дѣяніяхъ самого министра, оставившаго русскую армію безъ боевыхъ снарядовъ, я понялъ всю адскую глубину юдофобскаго замысла, унаслѣдованнаго военнымъ правительствомъ отъ гражданскаго: свалить на голову еврея всѣ военныя неудачи Россіи, какъ раньше его выставляли виновникомъ русской революціи передъ «черными сотнями».

Въ іюлѣ волна германскаго нашествія отбросила насъ къ Вильнѣ. Уже близилась агонія Варшавы. Столица Литвы еще держалась, и я, душевно истерзанный въ полку, искалъ общества своихъ «вольныхъ» братьевъ въ этомъ старомъ центрѣ еврейства. Что-то тянуло меня къ своимъ, къ мучительнымъ бесѣдамъ о горестяхъ тыла и фронта, тянуло въ древнюю синагогу, видѣвшую нашествіе Москвы и расправу царя Алексѣя Михайловича съ нашими предками. Я любилъ читать газеты на еврейскомъ языкѣ, покупая ихъ ежедневно у газетчика на углу Еврейской улицы. Однажды подхожу къ этому углу и вижу: моего газетчика нѣтъ. Захожу въ ближайшую книжную лавку и узнаю, что по распоряженію высшихъ военныхъ властей всѣ еврейскія газеты, выходящія въ Варшавѣ и Вильнѣ, запрещены. Въ опубликованномъ вскорѣ приказѣ мотивы запрещенія не были указаны, но они были ясны: тѣ же, чѣмъ вызваны выселенія, аресты, казни, взятіе заложниковъ, агитація военной прессы,— стремленіе выставить еврея предателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уязвить, принизить его. Ради этого нанесенъ ударъ языку еврейскихъ массъ и даже языку Библіи, безъ которой наши гонители не были бы христіанами даже по имени

Неужели они серьезно думаютъ, что языкомъ десяти заповѣдей и откровеній пророковъ еврейское населеніе будетъ сигнализировать нѣмцамъ? Конечно, нѣтъ; но, если военные законы позволяютъ лишить еврея права читать на его родномъ языкѣ, отчего же не доставить себѣ такого удовольствія?.. И я вспомнилъ сцены изъ моей жизни въ окопахъ: еврей-солдатъ, владѣющій только своимъ роднымъ языкомъ, не можетъ на этомъ языкѣ послать письмо домой, ибо начальство не отправитъ; бѣдняга проситъ меня писать за него по-русски и при этомъ тяжело вздыхаетъ: престарѣлые родители или молодая жена не увидятъ строкъ, написанныхъ рукою дорогого человѣка, не услышатъ звуковъ родной рѣчи, и сами они должны писать на языкѣ чужомъ, который для нихъ былъ только языкомъ полицейскихъ чиновниковъ.

Самое худшее ждало насъ впереди. Мы оставили Вильну среди адской канонады наступающихъ нѣмцевъ, прорвались черезъ ихъ огненный кругъ, и началось страшное отступленіе изъ Литвы. Стотысячныя арміи отступали по дорогамъ, запруженнымъ десятками тысячъ бѣженцевъ всѣхъ національностей. Какой-то разрушительный самумъ пронесся надъ недавно еще цвѣтущимъ краемъ. Стихія грабежа и насилія, бичъ деморализованной арміи, обрушилась на всѣ слои населенія, но больше всего на евреевъ, на которыхъ армію давно успѣли натравить. То, что творилось надъ евреями на необозримомъ пространствѣ Виленской, Минской и части Витебской губерній, по пути отступленія нашихъ войскъ въ августѣ и сентябрѣ 1915 г., заполнитъ когда-нибудь самую черную страницу еврейскаго мартиролога и русской исторіи. Сплошь разгромленные города, разграбленные дома, избитые или убитые люди, изнасилованныя женщины— вотъ трофеи отступленія. Эти ужасы совершались, главнымъ образомъ, въ дни еврейскихъ осеннихъ праздниковъ, между Рошъ-гашана и Іомъ-кипуръ, которые на сей разъ вполнѣ оправдали свое названіе—«страшные дни» (іомимъ нороимъ). Сморгонь, Поставы, Крево, Глубокое, Докшицы, Лемешевичи — это лишь нѣкоторые этапы скорбнаго пути, гдѣ распинали мою душу, ибо на моихъ глазахъ распинали тѣло и душу моихъ братьевъ и сестеръ.

Вотъ Сморгонь, раньше цвѣтущій центръ еврейской кожевенной промышленности. Наши войска вступаютъ туда послѣ ухода нѣмцевъ. Солдаты и особенно казаки набрасываются на евреевъ, врываются въ дома подъ предлогомъ розыска нѣмцевъ, грабятъ, бьютъ, насилуютъ женщинъ. Многіе убѣ-

гаютъ отъ разбойниковъ въ сосѣдніе лѣса. Часть жителей ищетъ спасенія въ старой синагогѣ. Туда врываются казаки. Тогда изъ нашего полка выдѣляется группа солдатъ-евреевъ и рѣшается отогнать злодѣевъ отъ синагоги. Я веду этотъ маленькій отрядъ. Входимъ въ синагогу, и нашимъ глазамъ представляется страшное зрѣлище: казаки ломаютъ святой ковчегъ, рвутъ свитки Торы. На полу лежатъ замученныя, изнасилованныя женщины; возлѣ трупа молодой дѣвушки валяется изрубленное тѣло ея старика-отца, пытавшагося, повидимому, защитить честь дочери. Мною и моими товарищами овладѣла безумная ярость. Мы бросились на казаковъ, и произошла кровавая свалка, начавшаяся въ синагогѣ и продолжавшаяся на улицѣ. Убитые и раненые были съ обѣихъ сторонъ. Я какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ. Комендантъ приказалъ арестовать всѣхъ участниковъ столкновенія и въ наказаніе послать ихъ на передовыя позиціи. Когда мы, штрафованные евреи, уходили изъ Сморгони, всему еврейскому населенію приказано было немедленно убраться оттуда. Городъ мгновенно опустѣлъ. Осталась лишь одна еврейская семья: парализованный старикъ и два его сына, не рѣшившіеся тащить пѣшкомъ больного отца (вагоновъ и подводъ не давали). Вдругъ въ этотъ домъ врывается казачій офицеръ: какъ смѣли вы, жиды, тутъ остаться! — «Мы остались при больномъ отцѣ»,—отвѣтили сыновья. Гдѣ вашъ отецъ?—«Въ сосѣдней комнатѣ». Офицеръ влетаетъ въ комнату, застрѣливаетъ изъ револьвера больного, лежащаго въ постели, выходитъ къ сыновьямъ и говоритъ: теперь можете ѣхать...*)

По пути къ передовымъ позиціямъ мнѣ пришлось пережить еще одинъ чудовищный погромъ. Мы сдѣлали привалъ въ деревнѣ Лемешевичи, близъ Пинска. Былъ день Іомъ-кипура. Евреи изъ окрестностей приготовились къ бѣгству. Имущество ихъ было нагружено на лодкахъ, на рѣкѣ Припяти, а сами они столпились на берегу, ожидая возможности переправиться на другой берегъ въ безопасный отъ канонады моментъ (около Пинска тогда уже были нѣмцы). На берегу бѣженцы горячо молились, охваченные настроеніемъ торжественнаго «дня суда». Вдругъ подошелъ отрядъ казаковъ и набросился на перепуганную толпу; взрослыхъ мужчинъ казаки арестовали и куда-то увели, а на женщинъ устроили охоту. Несчастныхъ матерей, молодыхъ дѣвушекъ и даже дѣвочекъ 12—14 лѣтъ казаки хватаютъ, тащатъ въ лѣсъ и тамъ звѣрски насилуютъ.

---

*) Я читалъ прошеніе на имя царя, посланное изъ Минска сыновьями убитаго (Соболя), молившими о разслѣдованіи дѣла. Николай II не обратилъ на это вниманія.—С. Д.

Многія дѣвушки убѣгають, прячутся въ гущѣ лѣса, въ ямахъ и оврагахъ, нѣкоторыя ищутъ спасенія въ домахъ знакомыхъ русскихъ крестьянъ, но послѣдніе не принимаютъ ихъ, будучи въ явномъ заговорѣ съ казаками. Всю ночь въ лѣсу слышались вопли насилуемыхъ женщинъ. Мнѣ дали знать объ этомъ. Я схватилъ ружье и незамѣтно вышелъ изъ деревни. Въ лѣсу я пошелъ по направленію крика и скоро наткнулся на одного казака, возившагося съ своей жертвой. Я сильно ударилъ его прикладомъ ружья по головѣ, и онъ свалился; дѣвушку, находившуюся почти въ обморочномъ состояніи, я вывелъ изъ лѣса на берегъ, гдѣ въ отчаяніи метались ея родные, а затѣмъ вернулся въ деревню такъ же незамѣтно, какъ вышелъ. Не страхъ заставилъ меня вернуться, а какое-то ощущеніе полнаго физическаго и душевнаго истощенія. Я вдругъ почувствовалъ, что пережитое въ послѣдніе дни смертельно ранило мою душу и что отъ этой боли можетъ меня избавить только смертельная рана тѣла.

Долго ждать не пришлось. Черезъ нѣсколько дней я уже былъ на передовыхъ позиціяхъ. Германская пуля тяжело ранила тѣлесную оболочку души, израненной россійскими ударами въ теченіи 35 лѣтъ.

* * *

Сейчасъ я нахожусь въ глухой деревушкѣ Полѣсья, въ близкомъ къ фронту санитарномъ пунктѣ. Отсюда перевезутъ меня въ Кіевъ. Я немного оправился отъ тяжелой раны, но знаю,—да и на лицахъ врачей читаю,—что недолго мнѣ осталось жить. У меня сейчасъ нѣтъ никакихъ желаній, кромѣ одного: излить душу въ этой исповѣди, завѣщать будущему поколѣнію эту миніатюру переживаній предыдущаго поколѣнія, ибо моя исторія есть исторія моихъ интеллигентныхъ современниковъ. Мы 35 лѣтъ боролись съ режимомъ инквизиціи, черпали силу въ мученичествѣ, возродили мощь національнаго протеста; но мы уже перешли предѣлъ страданій. Пусть новые люди придутъ на смѣну намъ, сокрушеннымъ исторической бурей. Пусть поднимутъ наше знамя высоко, выше Россіи, выше окровавленной Европы. Еврейскій вопросъ, вопросъ тысячелѣтій, вопросъ міровогo народа, втянутаго въ міровую войну, долженъ сдѣлаться проблемою міра. Какъ только кончится рѣзня народовъ, онъ долженъ получить свое немедленное разрѣшеніе. Если есть міровая совѣсть, она должна дать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, снять позорное пятно съ исторіи человѣчества. Я умираю съ этой вѣрою въ міровую совѣсть и въ мой народъ, единый и вѣчный, какъ міръ, съ которымъ его соткала исторія всѣхъ временъ.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный складъ
«РАЗУМЪ».
Петроградъ. Сергіевская 57.

